

Предисловие

Собранный и обобщенный в предлагаемой монографии материал – своеобразный научный срез представлений о сущности, целях и задачах модернизации экономики России. В последние десятилетия жестко пропагандируется тезис о максимальном ослаблении воздействия государства на экономику. Сторонники этой позиции считают, что рынок может обеспечить выход народного хозяйства на оптимальную траекторию развития. В варианте студенческой трактовки для первого курса экономического факультета это, пожалуй, верно. Однако на экзамене студент должен объяснить, что в точку оптимума рынок придет на короткий период времени, при условии полной свободной конкуренции, при большом количестве производителей и потребителей, полностью юридически и экономически независимых друг от друга. Практически нигде и, в особенности, в России таких условий в реальной жизни нет.

А как быть в ситуации научно-технического прогресса, долгосрочных инвестиций, монополизации производства и, наконец, рейдерства? Ответа на этот вопрос нет. В действительности стратегическое управление – а это и есть механизм экономической модернизации – является функцией государства на национальном уровне. Кроме того, государство должно защищать соблюдение честных правил конкуренции, реализовать антимонопольную политику в интересах развития рыночных отношений. Федеральные органы власти обязаны создать эффективные механизмы контроля за качеством выпускаемой продукции, особенно в области потребительского рынка и фармацевтической промышленности. Следует специально отметить, что свободные цены эффективны в условиях классической конкуренции. В иных случаях возникают процессы монопольного ценообразования. Главный показатель монополизма – получение сверхприбыли. Поэтому для борьбы с ростом цен необходимо кардинально изменить характер функционирования антимонопольных структур. Следует юридически закрепить понятие нормальной рентабельности, включающей в себя не столько бонусы топ-менеджерам, сколько расходы на инновации, повышение качества и снижение издержек выпускаемой продукции и услуг. Вся остальная сверхприбыль должна изыматься в бюджет или использоваться в интересах потребителей через снижение цен.

Второй постулат, на котором следует остановиться, – это проблема соотношения собственности и власти. У сторонников нынешнего российского либерализма есть достаточно рассуждений об обмене собственности на власть и наоборот. Хотя из естественных соображений ясно, что у кого есть крупная собственность – у того и экономическая власть. В то же время в последние годы политологи и экономисты изображают дискуссию о том, какой капитализм мы строим (или уже построили): государственный, либеральный, олигархический, с человеческим лицом или без него.

Вся эта политическая возня не имеет никакого отношения к профессиональному рассмотрению вопроса. Чтобы понять, какой у нас экономический уклад, надо

выяснить организацию механизма финансовых потоков в стране. Логика капиталистического воспроизводства состоит в том, что часть прибыли предприниматель направляет на инвестиции. Чем больше прибыль, тем больше после уплаты налогов можно направить на обновление продукции, повышение ее качества, снижение издержек и цен. Так работает нормальная конкуренция (например, в области телефонной связи, телекоммуникаций). В этом же русле должна работать банковская система кредитования инновационных процессов. Но в России все не так.

В сырьевых отраслях промышленности субъективная шкала налогообложения и непомерно завышенные дивиденды акционерам не позволяют не только модернизировать добывающее и нефтеперерабатывающее оборудование, но и вести за счет собственных средств геологоразведочные работы. В обрабатывающей промышленности, обесцененные в ходе бешеной инфляции в первые годы реформ собственные оборотные средства теперь восполняются кредитами коммерческих банков под проценты, делающие наши предприятия неконкурентоспособными даже на внутреннем рынке.

Таким образом, внутрипромышленных источников для инноваций или для нормальной инвестиционной деятельности у предприятий просто нет. Поэтому провозглашенная политика модернизации требует значительных финансовых вливаний из федерального бюджета страны. Наш российский капитализм трансформируется в странную форму бюджетного капитализма.

Философия бюджетного капитализма закладывалась не сегодня и не вчера. Еще в первой половине 90-х годов появились идеологи «залоговых аукционов». Они хотели скрестить ужа и ежа: богатство материальных ресурсов государства сопрячь с нищетой и дефицитом инфляционного бюджета с целью получения личной выгоды. Чтобы покрыть бюджетный дефицит, государству было предложено отдать уникальные природные ресурсы и предприятия этой сферы в залог. Дефицит бюджета будет покрыт деньгами, выплаченными под залог. А из будущего якобы бездефицитного бюджета вы вернете залоговые суммы. Как все замечательно!

Но тут же возникло два вопроса. Во-первых, государству нужны были деньги не для быстро окупаемых инноваций, дающих сверхприбыли, а для затыкания дыр в пенсионной системе, армии, здравоохранении, образовании. У государства не могло быть лишних денег для возврата залоговых долгов. Поэтому государство и не участвовало в залоговых аукционах собственного имущества и природных ресурсов, принадлежавших не государству, а всему обществу.

Вопрос второй. Откуда у только что образовавшихся коммерческих банков столько денег, что они могут покрыть годовой дефицит федерального бюджета?

Уставной капитал частных банков составлял зачастую несколько десятков тысяч рублей. Они обслуживали торгашей, сферу услуг и те виды деятельности, которые могут принести мгновенную окупаемость. Но здесь одному стороннику срочного ухода государства из экономики пришла забавная идея. Бюджетные деньги, выделенные в начале года, по его мнению, надо было хранить не в казначействе, не в Центральном банке, а в так называемых уполномоченных частных коммерческих

банках. Чиновники утверждали списки этих банков и перечисляли бюджетные средства на их счета. До момента востребования этих денег бюджетными организациями эти деньги прокручивались коммерческими банками под краткосрочные кредиты торговым организациям, исходя из 150–200 % годовых. Полученные от заемщиков проценты автоматически превращались в собственность частных банков. Так на базе бюджетных денег создавался весьма солидный капитал коммерческих банков. Такую схему беспрекословно приняло тогдашнее правительство РФ. Это был первый крупный шаг к созданию коррупционной экономики, ибо список уполномоченных банков утверждали чиновники, и они же проводили залоговые аукционы по продаже общественных богатств.

Государство, таким образом, сознательно формировало коррупционную среду, приобретающую ныне практически необратимый характер.

Однако вернемся к настоящему времени. Недавно президент Д.А. Медведев заявил о триллионе рублей, украденных только на госзакупках. Главный военный прокурор С.Н. Фридинский признал, что пятая часть оборонного бюджета разворовывается.

Существует целая группа олигархов, которые постоянно крутятся вокруг проектов, финансируемых из федерального бюджета. Это и сколковский проект, и прорывные разработки в области нанотехнологий, и программы перевооружения армии и флота. Существует множество путей «распила» бюджетных денег: закупка оборудования по завышенным ценам, значительное увеличение норм расхода материалов, завышение оплаты труда топ-менеджеров, различного рода экспертов и т.п.

Можно ли поставить заслон этим процессам не через отдельные журналистские расследования, а путем создания механизма постоянного контроля за финансовыми потоками бюджетных средств?

Конечно, можно. Необходимо перейти к системе долгосрочного финансирования на основе целевого кредитования. Смысл его в том, что банки долгосрочного развития предоставляют кредиты на инновационные проекты под 2–4 % годовых (это решает проблему «длинных денег»). Важно то, что кредиты предоставляются не путем перечисления финансовых средств на счета заемщиков, а оплачиваются банком по счетам конкретно произведенных работ подрядчиками. Заемщик не имеет живых денег и не может использовать их для нецелевого финансирования. Эта система используется во многих странах с высокоразвитой экономикой. В частности, в Японии она существует уже более сорока лет. Банки долгосрочного развития должны иметь крупные аналитические центры, укомплектованные высокопрофессиональными кредитными аналитиками. Они обязаны оценивать как эффективность кредитуемых проектов, так и целесообразность расходов, производимых подрядчиками в процессе реализации хозяйственных мероприятий.

Кредитные ресурсы банка долгосрочного развития в значительной мере пополняются бюджетными средствами, предназначенными для финансирования национальных программ.

Противники предложенной модели организации финансовых потоков обычно говорят, что и в ней возможны коррупционные злоупотребления. Однако контроль над банками долгосрочного развития значительно прозрачнее, чем над организациями, получающими бюджетные деньги на свои счета. Кроме того, банки долгосрочного развития должны нести ответственность за качество своей работы, также должна быть предусмотрена административная и уголовная ответственность руководителей и аналитиков этих банков. Тем более что они выдают кредиты под низкие проценты и противостоят коммерческим банкам на кредитном рынке. Кредитные линии «длинных денег» заполняют специфический сегмент инвестиционного рынка.

Решение вышеперечисленных проблем может стать «мотором» для экономической модернизации страны, а также создаст необходимые ресурсы для реализации социально-гуманитарного потенциала российского общества, раскрытию которого посвящена предлагаемая читателю монография.

*Директор Института проблем рынка РАН
Академик РАН, Николай Петраков*